

Цена прошедших боев. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

Цена прошедших боев. Василий Владимирович Быков

Война обрушилась на страну неожиданно, ее страшные реалии явились для людей вновь, не изведанными по прежней жизни, и не могли не шокировать миллионы. В том числе и военных – кадровых командиров и начальников. Постепенно, однако, стало понятно, что война не на один год, что воевать предстоит долго и надо приспособливаться к экстремальным условиям жизни. Примерно на втором году войны среди воюющего люда стал складываться своеобразный, импровизированный фронтовой быт. На фронтах, временно не ведших больших боевых операций, ставших в жесткую оборону, появилась какая-никакая надежда выжить, если не до конца войны, не до победы, то хотя бы до конца недели, до ближайшего утра. И люди устраивались – каждый на том месте, куда его определила война. Штабисты споро и организованно обживали уцелевшие углы в полуусоженных тыловых деревнях, усиливали накаты командных и наблюдательных пунктов; артиллеристы обустраивали землянки, налаживали в них печки – из железных бочек, молочных бидонов, устилали земляные нары смолистым лапником. Вход завешивался плащ-палаткой – этим универсальным красноармейским средством защиты от холода и непогоды. Немцы всю войну пользовались шерстяными одеялами, мы же во всех случаях обходились, традиционной серой шинелькой – в бою, на отдыхе, ночью. Пехота в траншеях, нередко полузаметенных снегом или залитых водой, спасаясь от непогоды, рыла норы-ячейки с полками для гранат и патронов, с непременной ступенькой, чтобы по первому сигналу выбраться наверх – в атаку.

Выбираться наверх в самом деле приходилось нередко, даже в жесткой, многомесячной обороне. Высшие командиры помнили и свято исполняли железный приказ Верховного: не давать захватчикам покоя ни днем ни ночью, непрерывно бить его и изматывать. И били, и изматывали. Даже если не хватало оружия и боеприпасов, если на орудие приходилось по четверти боекомплекта и на каждый выстрел требовалось разрешение старшего командира. В обороне регулярно проводились – обычно кровавые – разведки боем, каждоноочные поиски разведчиков, бесконечное "улучшение" оборонительных позиций. Некоторые части, подчиненные особенно исполнительным или патриотически настроенным командирам, месяцами атаковали одни и те же высоты, кладя на их склонах тысячи людей и так и не добиваясь сколько-нибудь заметного успеха. Людей никто не жалел. Все на фронте было лимитировано, все дефицитно и нормировано, кроме людей. Из тыла, из многочисленных пунктов формирования и обучения непрерывным потоком шло к фронту пополнение – массы истощенных, измученных тыловой муштвой людей, кое-как обученных обращаться с винтовкой, многие из которых едва понимали по-русски.

Первые дни в бою не многие способны были преодолеть в себе состояние шока. Командирам в стрелковой цепи стоило немалого труда поднять таких в атаку, и нередко на поле боя можно было наблюдать картину, как командир роты, бегая вдоль цепи, поднимает каждого ударом каблука в зад. Подняв одного, бежит к следующему, и пока поднимает того, предыдущий снова ложится – убитый или с испугу. Понятно, что долго бегать под огнем не мог и ротный, который также скоро выбывал из строя. Когда до основания выбивали полки и батальоны, дивизию отводили в тыл на переформирование, а уцелевших командиров представляли к наградам – за непреклонность в выполнении приказа: была такая наградная формула. За тем, чтобы никто не возражал против явной фронтовой бессмыслицы, бдительно следили не только вышестоящие командиры, но также политорганы, уполномоченные особых отделов, военные трибуналы и прокуратура. Приказ командира – закон для подчиненных, а на строгость начальника в армии жаловаться запрещалось.

Война, однако, учила. Не прежняя, довоенная, военная наука, не военные академии, тем более краткосрочные и ускоренные курсы военных училищ, но единственno – личный боевой опыт, который клался в основу боевого мастерства командиров. Постепенно военные действия, особенно на низшем звене, стали обретать элемент разумности. Очень скоро оказалось, что боевые уставы, созданные на основе опыта гражданской войны, мало соответствуют характеру воины новой и в лучшем случае бесполезны, если не вредны, в буквальном своем применении.

В самом деле, чего стоило только одно их положение о месте командира в бою (впереди атакующей цепи), которое сплошь и рядом приводило к скорой гибели командиров, в то время как оставшиеся без управления подразделения скоро утрачивали всякое боевое значение. Полагавшееся по уставу позшелонное строение атакующих войск вызывало неоправданные потери, особенно от минометного огня

Цена прошедших боев. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru был вынужден противника. Перед лицом этих и многих других нелепостей Сталин был вынужден пойти на переработку уставов, и уже в ходе войны появились новые боевые уставы пехоты - часть I и часть II. В то время как в войсках жестоко пресекался всякий намек на какое-нибудь превосходство немецкой тактики или немецкого оружия, где-то в верхах, в генштабе это превосходство втихомолку учитывалось и из него делались определенные негласные выводы. С санкции Верховного кое-что внедрялось в войска.

Впрочем, внедрять и заимствовать следовало куда как больше и не только из того, что касалось тактики. Как ни бащвались мы (разумеется, в пропагандистских целях) качеством отечественного оружия, немецкое стрелковое оружие сплошь и рядом оказывалось совершеннее по устройству и сподручнее в применении. Наш прославленный ППШ с очень неудобным для снаряжения дисковым магазином по всем параметрам уступал немецкому "шмайссеру"; громоздкая, с длинным штыком винтовка XIX века конструкции Мосина уступала немецкому карабину. Устаревший, с водяным охлаждением пулемет "Максим" доставлял пулеметчикам немало забот, особенно в летнее время на безводном юге, а с текстильной лентой - повсеместно в непогоду. Ручной пулемет Дегтярева запомнился бывшим пулеметчикам разве что непомерным для этого вида оружия весом. Когда на вооружении немецкой пехоты появился компактный скорострельный МГ-42, нашим атакующим батальонам не оставалось шансов уцелеть под его шквальным (до 1000 выстрелов в минуту) огнем. Один такой пулемет с удачно расположенной позиции за считанные минуты способен был истребить целый батальон.

Средний танк Т-34, в общем неплохой, маневренный, с хорошим и сильным двигателем, имел слабую броню и при скверной 76-мм пушке становился легкой добычей немецкого противотанкового оружия и особенно тяжелых танков типа "тигр". Преимущество последних особенно проявлялось в обороне, при отражении наступления наших тридцатьчетверок. Великолепная цейсовская оптика и мощная пушка позволяли "тиграм" с дальнего расстояния расправляться с десятками наших наступающих танков. Советские танкисты прямо-таки плакали с досады, когда наш танковый батальон, едва начав атаку (особенно на равнинной местности), попадал под огонь замаскированных где-нибудь в садах и сельских строениях "тигров". Сразу загоралось несколько машин, подбитых танковыми болванками из "тигров", в то время как сами "тигры" оставались неуязвимы из-за дальности расстояния до них. Нередко происходили случаи, когда атакующие, поняв, что сблизиться на расстояние прямого выстрела не успеют, покидали машины и под огнем возвращались на исходный рубеж. Пока они его достигали, их машины уже горели. В конце концов, разгадав крамольную уловку танкистов, командование отдало приказ привлекать к суду военных трибуналов экипажи, вышедшие из огня в полном составе. Тогда танкисты пошли на новую хитрость: стали подъезжать к противнику ближе и покидать машины уже под пулеметным огнем из танков. Кто-то из них погибал или был ранен в открытом поле, но кое-кому удавалось пробраться к своим. Из подбитой же, подожженной машины шансов выбраться было несравненно меньше. Воевавшим помнятся и немецкие минометы, от навесного огня которых не было спасения ни в поле, ни в лесу, ни в городе.

Наши потери в наступлении были чудовищны, наибольшее их количество, конечно, приходилось на долю раненых. Легкораненые с поля боя выбирались сами; тяжелораненые нередко подолгу находились в зоне огня, получая новые ранения, а то и погибая. Выносить раненых с поля боя имели право лишь специально назначенные для того бойцы - санитары и санинструкторы. Никому другому сопровождать раненых в тыл не разрешалось, попытки такого рода расценивались как уклонение от боя.

Конечно, девочки-инструкторы старались как могли, но санинструкторов полагалось по одной на роту, раненых же на поле боя всегда набирались десятки. Как было успеть при всем желании? И не успевали; раненые вынуждены были долго ждать помощи и, истекая кровью, умирали на поле или по дороге в санбат.

До сих пор в точности неизвестно, кому принадлежит "гениальная" идея использования на войне женщин. Кажется, это чисто советское новшество, в немецкой армии ничего подобного не наблюдалось до конца войны. При очевидной бездефицитности людского (мужского) материала на войне какая надобность была посыпать под огонь молодых, мало приспособленных к своеобразию боевой жизни девчат? Какая от них была польза? Разве что в окрашивании досуга и быта старших командиров и политработников, временно лишившихся жен и тыловых подруг. По дороге на фронт многие из них оседали в штабах и тыловых учреждениях в качестве

Цена прошедших боев. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru секретарь, медсестер, связисток, под которых обычно маскировали тех, кто на солдатском языке игриво именовался ППЖ. Те же из них, кто добирался до полков и батальонов, не вызывали к себе серьезного отношения - на чисто мужской работе, какой является война, среди мужских масс они сразу обнаруживали всю свою бесполезность. Даже девчата такой категории, как снайперы, что в минуты затишья между боями выдвигались на нейтральную полосу, в непосредственную близость к противнику.

Принято было считать, что каждый снайперский выстрел - это убитый немец, на деле же все обстояло иначе. Ведя огонь, пролежать под носом у противника можно было лишь считанные минуты, и каждый девчачий выстрел - не обязательно попадание в цель. Но когда на фронте не велось активных боевых действий, снайперская активность была единственным показателем боевой активности, и командиры не скучились на цифры в отчетности.

На периоды фронтового затишья приходилась особенная активность политорганов. Именно тогда в окопах появлялись малознакомые, чисто выбритые, в скрипящих портупеях полковники, то и дело затевавшие с бойцами теплые, душевые разговоры. "Ну, как дела? Как кормят? Получаете ли письма из дома?" Им отвечали хмуро и сухо - вежливых офицеров не уважали и не боялись, не то что крикливых матерщинников-командиров; молча, без вопросов слушали их торопливый рассказ о международном положении и задачах наших войск, поставленных в приказе товарища Сталина. Потом, после их отбытия, в роты и на батареи приходили политработники рангом пониже и, отзовав кое-кого в сторонку, предлагали вступить в партию. Отказываться было не принято, да и ни к чему: какая разница бойцу, как погибать - беспартийным или членом ВКП(б). Собравшись где-то за пригорком на партсобрание, единодушно голосовали и спустя неделю выдавали кандидатскую карточку. Партийность, конечно, мало что меняла в положении бойца - если задерживался в строю, присваивали звание младшего сержанта, да перед наступлением давали задание прокричать в цепи: "За Родину, за Сталина!"

На деле, может быть, кричали, а может, и нет. Легенда об этом боевом кличе имеет во многом пропагандистское происхождение и дошла до нас со страниц военной печати. В неумолчном грохоте боя, среди взрывов и пулеметно-автоматной трескотни трудно было расслышать собственный голос, не то что чей-то нелепый, мало соответствующий обстановке призывный клич.

Не слыхать было даже "ура", когда его действительно кричали в определенные моменты боя. После какой-либо неудачи, когда начинался "разбор полетов" и поиск виновников, политработники обычно спрашивали у подопечных: почему не было призывных криков? Им возражали: "да кричали, ей-богу! Разве не слышали?"

Наверно, не слышали, потому что сзади не слышно. И далеко не все видно.

Чем дальше от фронта, тем выше чины командиров и тем больше у них власти. За пятнадцать-двадцать километров от передовой все тыловые населенные пункты, леса и овражки были забиты войсковыми штабами, частями и учреждениями с десятками и сотнями старших офицеров, которые что-то делали - писали, совещались, требовали огромного количества транспорта и средств связи. А в то же время на передовой под огнем ворошилась, изображая наступление, горстка уставших, измотанных восемнадцатилетних юнцов, управляемых взводными и ротными - такими же восемнадцати- и двадцатилетними лейтенантами. От их способностей, патриотизма и самоотверженности и зависел успех или неуспех боя и в конечном счете - военная карьера тех, кто оставался в тылу. Особенно в дальнем тылу. Генералы и старшие офицеры, как это и заведено во всякой армии, все же управляли не войсками, а стоящими на ступеньку ниже генералами и офицерами так было сподручнее во всех отношениях. Наиболее честные и умные делали это так, что, вполне удовлетворяя высшее командование, старались не очень притеснять подчиненных, что позволяло им поддерживать репутацию справедливых начальников. Но такая манера поведения вовсе не являлась правилом, а скорее исключением из правил. Правилом же была полная покорность перед старшими и беспощадная жесткость - по отношению к подчиненным; на этом в войну преуспели многие. Именно степень требовательности, а не что-либо другое, определяла карьеру самых выдающихся полководцев сталинской школы. Помнится, после войны судили офицера - вполне заслуженного, вся грудь в наградах, боевого полковника, командира гвардейского стрелкового полка. Этот офицер воевал под чужим именем, по документам настоящего, погибшего командира полка, у которого служил ординарцем. На суде ему был задан вопрос: "Как же вы, не имея военного образования, будучи только сержантом, решились на такой подлог,

Цена прошедших боев. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru взяли на себя ответственность за судьбы сотен людей? Как вы ими командовали?" На что бывший сержант отвечал с обескураживающей логикой: "Очень просто! Получив свыше приказ, вызываю командиров батальонов и так накручиваю им хвосты, что бросаются исполнять, как угорелые". Наверно, неплохо "накручивал хвосты", если получил за войну к двум незаконно присвоенным еще четыре вполне заслуженных ордена. действительно, усвоил сталинскую науку побеждать.

Существует распространенный миф о том, что неудачи первого периода войны вызваны, кроме прочего, репрессиями среди высшего комсостава Красной Армии, имевшими место накануне войны. Разумеется, репрессии явились злом во всех отношениях. Но ведь репрессировали не всех, самые опытные все же остались и возглавляли армию. И первые же месяцы войны показали полную неспособность прежнего командования противостоять высокооснащенной европейской армии, какой являлся вермахт. Очень скоро на полководческие должности по праву выдвинулись другие командиры, недавно еще занимавшие небольшие и средние должности в полках, бригадах, дивизиях. Именно они скорее своих начальников научились воевать в новых условиях, и, как ни странно, именно на их опыте кое-чему научился и Сталин. Может быть, впервые в советской действительности идеологические установки были отодвинуты в сторону и в некоторых военных вопросах возобладал голос рассудка.

Одним из вполне здравых актов Верховного было упразднение всевластного института военных комиссаров, этого совершенно излишнего, дублирующего командирского звена в армии. Отчасти Сталина вынудили так поступить отношения с союзниками (ликвидация Коминтерна), отчасти - огромный дефицит командирских кадров, создавшийся после катастрофических неудач начального периода войны. Почти при всех учебных военных заведениях была организована краткосрочная переподготовка политработников на строевых командиров. Но, очевидно, перековать вчерашних комиссаров на строевиков было не во власти даже самого Сталина, и определенная часть их была оставлена в качестве замполитов. Должность, кстати сказать, в боевых условиях также совершенно никчемная, кое-как терпимая в пехоте, но довольно абсурдная в иных, специальных родах войск, где, кроме умения проводить политинформации и выпускать "боевые листки", требовались еще и специальные навыки и знания, о которых замполиты не имели ни малейшего представления.

К середине войны воевать, в общем, научились, научились также ловчить, водить за нос начальство. Очевидно, без того и другого прожить на войне оказалось невозможным. Запомнился случай при наступлении, когда мой орудийный расчет оказался рядом с воронкой командира батальона капитана Андреева. Этот невидный, штатской внешности комбат на войне звезд с неба не хватал, хотя воевал не хуже других. Сидя в воронке с ординарцами и связистами, он руководил боем за недалекое село. Командир полка непрестанно требовал по телефону доклады о продвижении батальона, и Андреев, потягивая из фляги, то и дело бодро отвечал: "Продвигаюсь успешно... Пытаюсь зацепиться за северную окраину... Уже зацепился... Сбиваю боевое охранение".

Его роты при этом спокойно лежали себе впереди в голом поле, под редким минометным огнем из села, и я думал: как же он оправдается, когда вдруг сюда нагрянет командир полка? Но, видно, комбат лучше меня знал повадки комполка и мало опасался его дневного визита. А к вечеру где-то продвинулись соседние батальоны, и немцы оставили северную оконечность села, которую не промедлил занять батальон Андреева. Когда стемнело, комбат встретил там командира полка и доложил ему об удачной атаке, которой не было и в помине. Командир полка, кажется, остался доволен. Наверное, - я так думаю, - он сам схожим образом докладывал выше, в дивизию, а те - в корпус. Таков был негласный порядок, который устраивал всех. В общем, это было честнее и разумнее, чем по безмозглой команде атаковать превосходящего противника, устилая трупами поле. В моральном отношении поступок комбата, разумеется, выглядел небезгрешным, но в военных условиях было не до морали. Затеянная в высших штабах наступательная операция нередко привязывалась к конкретным срокам: Годовщине Октября, дню Красной Армии, дню рождения Сталина, другим неотложным датам), и большую часть времени, отпущенного на ее подготовку, тратили те, кто ее разрабатывал. Несравненно меньшая часть оставалась для исполнителей. Батальону Андреева перепала одна ночь, да и та была занята передислокацией, так что комбат лишь за час до атаки получил возможность взглянуть на поле боя, где ему предстояло победить или умереть. Да еще без поддержки танков, с ждким артиллерийским обеспечением...

Конечно, проделки такого рода были небезопасны. Хотя в боевой обстановке многое

Цена прошедших боев. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru сходило с рук: те, кого следовало опасаться, не очень стремились появляться на передовой. Но в случае отвода в тыл, во второй эшелон или на переформировку о многом становилось известно, утаить что-либо крамольное было практически невозможно. Сразу же в подразделениях начинались ночные контакты с "кумом" – уполномоченным особого отдела (впоследствии контрразведки "Смерш"), в результате которых командованию становилось известно все о подробностях последних боев, о командирских ухищрениях. Уполномоченные "Смерша" сосредотачивали в своих руках мощную незримую власть, от их расположения зависела судьба и служебная карьера командиров. Те из них, кто в свое время не избежал плена (хотя бы кратковременного) или окружения, из которого вырвался с оружием в руках, были под особым наблюдением органов. Обычно такие люди вынуждены были вести себятише воды, ниже травы, во всем угождая не только начальникам, но и своим подчиненным. В противном случае они рисковали лишиться погон, угодить в штрафбат, откуда только недавно вышли по отбытии срока или после ранения. Другой категорией повышенного риска среди офицеров были, наоборот, раскованные, лихие вояки, позволявшие себе при вольных разговорах, особенно за чаркой, нестандартные высказывания о довоенной жизни, немецкой тактике или о действиях НКВД. В скором времени такой человек исчезал навсегда.

Немалый урон офицерскому составу нанес пресловутый приказ Главнокомандующего номер 227, известный в войсках под девизом "ни шагу назад!"). Летом 1942 года, стремясь убедить себя и верховное командование в недопустимости дальнейшего отступления, Сталин всю строгость исполнения данного императива возложил на воюющих командиров среднего и низшего звена, которые отступали, разве что лишившись возможности обороняться. И многие поплатились за это жизнью. С первых же дней появления приказа начался усиленный поиск тех, кто отступал без приказа. Ими оказывались некий командир полка, которому с запозданием передали приказ обороны определенный рубеж; командир батальона, не успевший за короткую летнюю ночь выдвинуться на намеченные позиции и утром подвергшийся разгромному удару немецкой авиации; младший лейтенант, командир минометной роты, запутавший в безлюдной степи. Трибуналы в те дни работали с полной нагрузкой. Из высших штабов непрерывно запрашивали о количестве расстрелянных за сутки, за неделю и декаду, отдельно по категориям – старших и младших офицеров, коммунистов и беспартийных, по соцпроисхождению и национальному составу. Такого рода показатели являлись основанием для награждения в карательных органах всех видов. Теперь для непосвященных эти награжденные – герои наравне с прочими несомненными героями, и мало кто догадывается, каким образом заслужены их награды. Особенно прикрытые распространенной ныне мифологемой о прохождении всей войны – "от звонка до звонка". В "Смерше" или в трибунале, разумеется, можно было пройти и не одну войну. А вот в пехоте...

Кому не известно, что жизнь бойца в пехоте была самой короткой? Неделю в наступлении, месяц в обороне – максимальный срок для солдата стрелкового батальона, за которым следовал "земотдел или здравотдел", как невесело острили пехотинцы. Иной исход был крайне маловероятен. И если были и другие рода войск, которым также немало доставалось на войне (например, танковые и саперные войска, истребительная и штурмовая авиация), то их деятельность хотя бы достойно оценивалась. Главной, если не единственной такой оценкой со стороны государства было награждение. Иерархия наград, как и процедура награждений, определялась не столько в законодательном порядке, сколько негласно сложившейся традицией. Никто из подчиненных не мог быть награжден прежде своего командира, ни один начальник не стремился наградить подчиненного, если не был награжден сам. Ордена по обыкновению распределялись вовсе не по заслугам, как об этом принято думать, а в зависимости от должности. Ордена Красной Звезды обычно удостаивался командир взвода. Отечественной войны второй степени – командир роты; первую степень получал командир батальона, который к концу войны нередко заслуживал также орден Красного Знамени – самую, кстати, уважаемую из военных наград. Но в общем это был орден для командиров и политработников дивизионного звена и выше. Для генералитета существовали многие полководческие ордена.

Странная метаморфоза произошла с орденом Славы, учрежденным в середине войны для награждения исключительно солдат и сержантов действующей армии и ценившимся на войне никак не выше популярной медали "За отвагу". В шестидесятых годах по инициативе Константина Симонова, снявшего документальный фильм о кавалерах этого ордена, последний странным образом оказался приравненным к Золотой Звезде Героя, и в данном статуте остается и поныне. В предперестроечные годы цена наград резко упала; пожалуй, не осталось взрослого гражданина, не награжденного хотя бы одним орденом – за ратный подвиг или за труд. И не только каким-нибудь

Цена прошедших боев. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru, свежеучрежденным орденом "Трудовой славы", но и вполне полководческим "орденом Ленина" - пожалуй, самой высокой из существовавших наград. Старательная доярка в передовом колхозе имела этих орденов побольше, чем прославленный на войне маршал: маловразумительный статут этого ордена позволял награждать им всех - от кухарки до маршала и министра. Только солдату на фронте он был недоступен; его фронтовая цена оказывалась столь высока, что у солдата не хватало никакой крови его заслужить. Вопреки распространенному мнению на войне вообще награждали не густо. Для многих из солдат, окончивших войну, победная медалька оказалась единственной ратной наградой, все последующие - юбилейного происхождения. В годы войны за каждый из орденов полагалась небольшая денежная выплата (на табачок!), которая разумеется, "по ходатайству трудящихся" - вскоре после победы была отменена.

Война закончилась давно, за полвека выросли и возмужали новые поколения. Прискорбно, однако, что человеческая память о ней не только сокращается в своих возможностях - подменяется как бы антипамятью, активно замещается в сознании пропагандистскими стереотипами. Да, мы победили коварнейшего врага немецкий фашизм, но имеем ли мы право забывать о цене нашей победы? Каковы истинные цели ее - только ли разгром немецкого фашизма? Что мы принесли на своих штыках освобожденным народам Европы? Насколько осчастливили поляков, чехов, словаков, венгров, румын, болгар и югославов? Спустя полвека после нашей победы правомерно задать себе элементарный вопрос: что мы имеем от той нашей победы? Вот немцы, например, не победили, не победили также итальянцы и японцы - более того, претерпели оглушительные национальные катастрофы. Но из тех катастроф они извлекли определенные уроки и в результате так благоустроили собственную жизнь, как нам не благоустроить ее никогда. Значит, так ли однозначна для нас наша историческая победа? Может, кроется в ней что-то еще, более для нас важное? Или это Всеышний так своеобразно распределил свою божескую милость: кому пустозвонство ликующей победы, а кому комфортная человеческая жизнь. Чтобы всем по справедливости - как того и требует милый для многих наших сердец социалистический принцип распределения земного счастья.

Чем больше времени проходит с памятного мая 1945 года, тем больше вопросов выдвигает прошедшая война. Обесцениваются многие из, казалось бы, безусловных ценностей, возникают новые. Поколениям помоложе кажется, что для них наступило новое время, не связанное с проклятым прошлым, ставшим заслуженной участью их отцов и дедов. Но поостережемся с выводами. Все-таки многое в мире связано прочной бечевой, и, не распутав ее крепкие узлы, не очень-то продвинешься в счастливое будущее. Хотя история, как известно, ничему не учит, но и учиться у себя никому не воспрещает. Тому, конечно, кто хочет чему-нибудь научиться. Для прочих она - штука никчемная. В том числе и история прошлой большой и кровавой войны.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!